

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

ТЕНИ ЗЕМЛИ

Николай Гарин-Михайловский
Тени земли

«Public Domain»

1903

Гарин-Михайловский Н. Г.

Тени земли / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain»,
1903

«Под сводом лазурного неба, у самого синего моря жил великий художник. Люди называли его гением, но так ничтожно было то, что выходило из-под его рук в сравнении с тем, чего хотел он. Он хотел!...»

© Гарин-Михайловский Н. Г., 1903

© Public Domain, 1903

Содержание

I. Художник	5
II. Гений	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Николай Гарин-Михайловский

Тени земли

I. Художник

*И не уступил бы человек ангелам и перед смертью не склонился,
если бы не была у него слабая воля.*

Под сводом лазурного неба, у самого синего моря жил великий художник. Люди называли его гением, но так ничтожно было то, что выходило из-под его рук в сравнении с тем, чего хотел он.

Он хотел!

Он хотел в чудном изваянии соединить всю чистоту неба, всю прелесть земли.

И художник искал терпеливо дивный образ своей души. Он искал его в нежном дыхании весны, когда сирень и миндаль осыпали его своим цветом; в темных ночах жаркого лета, когда так страстно билось море о берега его сада; в неподвижной осени, когда вся в позолоте и мечтах о лете склонялась она к нему и нежно шептала «прости»; зимой, когда дул холодный ветер и дождь стучал в окна, а в камине ярко горел огонь.

В неясных грезах видел его во сне художник и увидел однажды весь воплощенный свой образ.

Вечные краски заката переливали в небе, солнце золотило и небо и море, и когда солнце коснулось моря, и небо и море вспыхнули и в бездне огней увидел художник там в окне из бирюзы и огня иную даль, увидел чудный, как сон, как мечты, прекрасный образ своей души.

То было одно только мгновение, исключительное мгновение напряжения, когда человек во много раз превосходит себя, свои силы.

Силой чистой влюбленной души художник удержал тот образ и передал его мрамору.

У самого синего моря, против того места, где в небе заседали боги, воплотил великий художник свой образ в девственном прекрасном теле из мрамора.

Измученные боги смотрели и говорили:

– Он создал нечто большее даже, чем создали мы.

И боги сказали ему:

– Да, ты великий художник, равный нам, – проси же у нас, чего хочешь.

– Боги! – ответил художник, – дайте ей жизнь. Не для себя прошу, но чтобы могла она совершить свое призвание на земле.

– Да будет! – сказали боги. И статуя ожила.

А что сделал художник, когда она, обнаженная – вся прелесть земли, вся чистота неба – сошла к нему?

Он обезумел от вспыхнувшей в его сердце земной любви.

В урагане охвативших его страстей он, осыпая ее огнем своих преступных поцелуев, жадно кричал богам:

– Она моя! Только моя!

* * *

Возмущенные боги тут же произнесли свой жестокий приговор: художник лобзал опять только уродливую глыбу мрамора.

О, как велико было его отчаяние, когда он пришел в себя!

Как молил он богов о прощении!

– Восстанови ее, – сказали боги, – и мы возвратим ей жизнь.

«Восстанови ее»...

Он не мог больше... Он забыл дивный образ своей души... Напрягая все силы, не выпуская резца из рук, он работал, пока боги не сказали ему:

– Все кончено, смертный, – короткое мгновение твоей жизни прошло, и двери вечности уже раскрыты пред тобой.

Так люди и нашли мертвого художника в его саду с резцом в руках. Он сидел перед своей работой и сам был лучшей из всех сделанных им статуй в выражении неземной тоски, отчаяния и горя.

Таким друзья, передав мрамору его черты, и сохранили образ великого художника.

Он сидит там в своем саду, у самого синего моря, и точно говорит в отчаянье: «Ах, я мог бы, мог...» А внизу выбиты слова:

«И не уступил бы человек
ангелам и перед смертью не
склонился, если бы не была
у него слабая воля».

II. Гений

1

I

Все в городе знали старого громадного еврея с длинными, всклокоченными, как львиная грива, волосами, с бородой, которая от старости была желта, как слоновая кость.

Он ходил в лапсердаке, в стоптанных туфлях и только тем разве и отличался от остальных евреев, что смотрел своими громадными на выкате глазами не вниз, как, говорят, смотрят все евреи, а куда-то вверх.

Проходили годы, поколения сменялись поколениями; неслись с грохотом экипажи; озабоченной вереницей торопились мимо прохожие, мальчишки, смеясь, бежали, – а старый еврей, торжественный и безучастный, все так же двигался по улицам с устремленным взглядом туда вверх, точно он видел там то, чего другие не видели.

II

Единственный человек в городе, которого старый еврей удостаивал своего внимания, был учитель математики одной из гимназий.

Каждый раз, заметив его, старый еврей останавливался и долго, внимательно смотрел ему вслед. Может быть, и учитель математики замечал старого еврея, а может быть, и нет, потому что это был настоящий математик, – рассеянный, маленький, с физиономией обезьяны, который ничего, кроме своей математики, не знал, не видел и знать не хотел. Засунуть в карман, вместо платка, губку, которую вытирают доску; явиться на урок без сюртука, – стало для него настолько обычным делом, а глумление учеников дошло до таких размеров; что учитель, наконец, вынужден был оставить преподавание в гимназии.

¹ В основание рассказа взят истинный факт, сообщенный автору М. Ю. Гольдштейном. Фамилия еврея – Пастернак. Автор сам помнит этого еврея. Подлинная рукопись еврея у кого-то в Одессе. (Прим. Н. Г. Гарина-Михайловского.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.